

Натали Эглит

ПЕТАРДА В ВИНЕГРЕТЕ

12+

Мало кто знает, но для украшения
квартиры на новый год достаточно
бросить петарду в винегрет

Натали Эглит

Петарда в винегрете

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67085008

SelfPub; 2022

Аннотация

Призраки бывают разными. Некоторых выращиваем мы сами. А потом не знаем, как от них избавиться. Хорошо, когда есть семья и родственники, готовые помочь освободиться от призраков непонимания и старых обид. Новый рассказ про итальянского графа, русский Новый год и старую семейную ссору.

Содержание

Две недели назад	5
Неделю назад	8
За два дня до Нового года	16
31 декабря	19
Эпилог	27

Натали Эглит

Петарда в винегрете

– Nonno! Uffa! Дедушка, нет! Нет! Твою же мать! – Федерико выхватил у Юрия Петровича из рук что-то похожее на сигарету и швырнул в противоположный угол комнаты. Мелкий предмет несколько раз перевернулся в воздухе и приземлился точно в миску с винегретом. Ироничная фраза дедуся, что вред курения в его возрасте сильно преувеличен, утонула в грохоте разорвавшейся петарды. Два килограмма отборных, мелконарезанных овощей разлетелись, равномерно усыпав всю мебель и пол в радиусе двух метров от стола.

Не успела семья выйти из ступора, как из украшенной винегретом части комнаты раздался подозрительный звук. Фррррррш... – донеслось откуда-то из-под потолка, словно по верху буфета медленно покати́лась каменная лавина. Фрррр-шшррррршшрррршш... Лавина ускори́лась, и из-за резной филенки наверху буфета показался шар. Похожий на пушечное ядро времен Очакова, он доехал до края, несколько секунд покачался, словно раздумывая, прыгать с высоты двух метров или не стоит. И со свистом полетел вниз. «Хрусь!», – сказала доска. В месте падения образовался пролом.

Две недели назад

Ника достала из шкафа толстый свитер и флисовые пижамные штаны. На третьем этаже, где комнаты прислуги перделали в крохотные апартаменты для молодоженов, было тепло. А вот в остальных помещениях особняка с октября по март можно было просто околеть. Джанлуиджи минуту назад сообщил, что пришел юрист и Ника собиралась к нему спуститься. Чёрт, ну куда же задевались любимые угги?!

Новости Стефано, семейный адвокат, принес грустные. Ситуация с коронавирусом стала менее напряженной, но ни о каком вызове для родителей Ники речи быть не может. Чтобы мама и папа прелестной синьоры Коллальто смогли приехать, нужна веская причина, вроде заболевших родственников. Ника чувствует себя хорошо? А Федерико? От таких вопросов Ника суеверно поплевала через правое плечо, сказала любимую бабушкину фразу: «Ваши речи вам на плечи» и поинтересовалась, могут ли они встретиться на территории третьей страны? Стефано пожал плечами и сказал, что это наверное, возможно, после чего поблагодарил за кофе, собрал бумаги и откланялся. Настроение у Ники окончательно испортилось.

Вечером в скайпе пришлось сказать маме, что они не увидятся ещё неизвестно сколько времени

– Детка, проблема в том, что нужен больной родственник?

– Да. Мамуль, ты знаешь, я суеверна. Так что никаких липовых справок, что с тобой или папой что-то случилось!

– Не собиралась подобным заниматься. Ты суеверна, а я считаю, что нарушать закон очень опрометчиво. Но кажется, у нас есть шанс. Держи пальцы крестиком, я скоро! – и она помахала дочери рукой.

Мама не перезвонила ни через полчаса, ни через час. Видимо, шанс оказался совершенно призрачным.

– Любовь моя, ты где? – эхо разносило встревоженный голос Федерико по всему замку. Он уже успел вернуться с работы, подняться наверх, переодеться и «потерять» супругу. «Я в зимнем саду», – Ника сбросила сообщение в ватсап.

Он нашел жену у большого окна. Ника с ногами забралась в плетеное кресло, закуталась в плед и вовсю грустила.

– Что тебя огорчило, звездочка? – Рико сгреб жену вместе с пледом и водрузил себе на колени.

– Мои родители не приедут. Вызов просто так не оформишь, нужна очень грустная и серьезная причина для приезда, – вздохнула синьора Коллальто. В этот момент пиликнул вызов в скайпе.

– О, как хорошо, что вы тут оба! – обрадовалась мама Ники, Ольга Викторовна. – У меня для вас отличные новости! Мы не можем приехать в Италию, но вы можете прилететь к нам. Ника, мы не говорили, но твой прадедушка по папиной линии жив, бодр и в таком возрасте имеет несколько хронических заболеваний. Юрий Петрович уже пообщался со сво-

им врачом и завтра оформит бумаги. Правда, есть одно «но». Он настаивает, что праздники мы будем отмечать у него.

– Отлично! – просиял Федерико. – Видишь, проблема решена.

– Ждем вызов и покупаем билеты, – эту фразу граф адресовал теще.

– Мам, а **почему** я ничего не слышала ни про какого прадеда? – Ника с подозрением посмотрела на мать. Та немного смутилась, но сказала правду:

– Папа поссорился со своим дедом ещё до твоего рождения. И хоть Ваня был категорически против, я пару раз общалась со стариком по телефону, ведь из родни у него остались только мы. Никусь, после твоих новостей я позвонила Юрию Петровичу и обрисовала ситуацию. Дети, не переживайте, у него огромный дом под Тулой, там можно разместить взвод солдат. Папа не очень доволен, но согласился, – добавила Ольга Викторовна, предупреждая вопросы. – Все, побегу греть ужин, надо задобрить папулю.

– Хорошего вечера, — и мама вышла из скайпа.

Неделю назад

Вызов пришел молниеносно и через восемь дней они уже летели чартерным рейсом в Москву. В аэропорту их встретили теща, теща и два новеньких пуховика. Ника с удовольствием сменила свою норковую шубку от итальянского дизайнера на теплое светлое пальто, а Федерико заявил, что он сварится живьем в этом русском ватнике, больше похожем на одеяло. Уговаривать итальянца никто не стал, только Ника скептически хмыкнула.

– Сразу к деду не поедем. Я должен хотя бы перекусить, – голос отца был раздраженным. Как не старался Иван Владимирович сделать вид, что все нормально, скрывать переживания из-за поездки у него получалось плохо. Ольга Викторовна погладила мужа по рукаву куртки и примиряюще сказала:

– Конечно, все проголодались и хотят есть. Нукусь, поедем в твой любимый Макдональдс? – потом посмотрела на зятя, прилипшего к окну и передумала. – Хотя, пожалуй, нет. Поехали на Красную площадь. Там сейчас красота, а еду купим в каком-нибудь павильоне. На Рождественских ярмарках неплохо готовят.

– Я хочу на ВДНХ, – продолжал буянить отец.

– Я и туда, и туда хочу, – вздохнула Ника.

Иван Владимирович немного посопел и решил:

– Сначала ВДНХ. Потом Красная. Надо же показать нашему гостю столицу.

На ВДНХ они поели горячих блинов с икрой, ливером и яблоками, выпили по стаканчику глинтвейна. Федерико из солидарности с тестем тоже пил безалкогольный. Покатались на коньках и нафотографировались под всеми ёлками, какие были на территории парка.

На Красную площадь Рико пошел в... пуховике. Русский мороз легко пробрался под пижонскую дубленку и тонкий свитер итальянского графа. Так что греясь очередным стаканом глинтвейна он, слегка смущаясь, попросил достать из багажника «русский ватник». С удивлением пощупал теплую и легкую куртку, а потом нашел этикетку с надписью «Сделано в Финляндии».

Гирлянды, ещё один каток и ГУМ не произвели на Федерико особого впечатления, а вот собор Василия Блаженного и стены Кремля вызвали поток восхищенных восклицаний:

– Bravo! Santo cielo! Mamma mia!

Из Москвы выехали ближе к вечеру. Короткая дорога в деревню прадеда лежала чуть в стороне от Тулы, так что самовары и пряники новому родственнику решили показать на обратном пути. Ника ехала с мужем на заднем сиденье. Положив голову ему на плечо, она смотрела на любимый профиль. Федерико был непривычно молчалив.

– Устал?

– Нет, моя звездочка. Просто думаю, хорошо, что я тебя

встретил. Ты даже представить не можешь, как мне повезло.

– Мне тоже, – Ника теснее прижалась к мужу. Он обнял её и крепко прижал к себе.

– Надеюсь, что именно так. Но надо признаться, что мне – больше.

– Как тебе холодная Россия?

– Ну, не такая уж она и холодная. Блины были горячими, чуть руки не обжег. Мой сосед... я тебе про него говорил, помнишь? Он очень тосковал по Москве и бесконечно её вспоминал. Было странно побывать в городе детства другого человека. Красная площадь такая, как он описывал.

В машине тихо играла магнитола, Иван Владимирович шепотом подпевал старому шлягеру и дорога стелилась под колесами ровной белой лентой. Темный лес сменялся заснеженными полями, потом снова, словно из ниоткуда, возникали темные, голые деревья. В какой-то момент всем стало казаться, что кроме Москвы и далекой Генуи на планете нет и не было никаких населенных пунктов. Федерико уже почти впал в меланхолию, как на очередном повороте засветилась цепочка фонарей и показался первый забор.

Деревня, где после выхода на пенсию поселился Юрий Петрович, была большой. Его дом стоял на самом краю, в двух шагах от леса, так что ехать пришлось через все Верхние Жмыхи. Они немного поплутали по извилистым улочкам. В окна выглядывали любопытные сельчане, а дворовые собаки своим лаем передавали эстафету, предупреждая

всех, что едут чужие.

Дом деда из некрашеного дерева, старый, но всё ещё прочный, добротный, с белыми кружевными наличниками, был виден издалека. Из-за высокого забора высилась мансарда и можно было разглядеть узорчатые окна веранды. Снег перед воротами недавно расчистили, видимо, в ожидании гостей. Иван Владимирович посигналил и над крыльцом зажегся свет. Ворота открыл крепкий высокий старик и машина вкатилась во двор. Встречу родственников нельзя было назвать теплой, неловкая пауза грозила затянуться, но тут Федерико взял ситуацию в свои руки.

– Буона сера! Вечер добрый. Давайте знакомиться, граф Коллальто, родные зовут меня Рико – и он протянул Юрию Петровичу ладонь. Тот ответил рукопожатием и тут все ожили и засуетились. В дом понесли сумки с продуктами, гирлянды и подарки.

– Оля, вы с Иваном на втором этаже, Нику с графом отправим в мансарду, они молодые, по лестнице десять раз пробегут, не заметят. Я буду в своей комнате, на первом этаже, направо от кухни. Ванна с туалетом – налево. Праздновать будем в зале, я все подготовил.

Ника распахнула двери в «залу» и обомлела – в центре стояла настоящая ёлка под потолок. Зеленая красавица уже отогрелась и запах хвои медленно плыл по комнате.

– У нас не будет столько игрушек. Но можно сделать, как в детстве. Склеить бумажные гирлянды и развесить конфе-

ты, – Ника повернулась к маме, её глаза светились от восторга.

– Игрушки есть, на чердаке. Ваня покажет где, он у нас тот ещё пострел. Везде поспел, где надо, и где... – и дед многозначительно замолчал.

Отец сдержался, но было видно, что фраза ему не понравилась. Ольга Викторовна притворилась, что не услышала намека и занялась готовкой. Ужинать решили в зале, там стоял огромный старинный стол и такой же буфет красного дерева. Пока старшее поколение обсуждало меню для новогоднего стола, молодежь отправили за ёлочными украшениями.

С чердака Ника спустилась через полчаса. Там, под крышей, была уйма интереснейших вещей – детские игрушки, принадлежавшие отцу Ивана Владимировича, подшивки старых газет, телевизор середины прошлого века и швейная машинка, как из музея. Три коробки елочных игрушек были подписаны химическим карандашом и стояли в древнем шифоньере. Пожалуй, они были постарше мебели, в которой хранились, минимум на четверть века.

Украшать ёлку неожиданно стали все вместе. Даже прадед с внуком подключились к процессу. Юрий Петрович повеселел, но не забывал отпускать в адрес «Ванюши» колкие замечания. Правда, причину давней ссоры никто так и не понял, а спрашивать побоялись, чтобы не нарушить хрупкое перемирие.

Когда была развешена последняя мишура, зажгли гирлян-

ду. Ника выключила свет и комната погрузилась в новогоднюю сказку. Мужчины открыли коньяк, дамам предложили мартини. Дед достал машинку для самокруток и свернул себе две папиросы. Устроился рядом с камином, в котором тихонько потрескивало огромное полено, закурил и дымок стал утекать в каминную трубу.

– Завтра 30-е декабря. Днём делайте, что хотите, а вечером баня, – сказал Юрий Петрович. – Веники есть, мыло тоже. А шампуней и прочего баловства в сельской лавке на любой вкус.

– Баня это то, чем уже несколько веков пугают иностранцев? – поинтересовался Федерико.

– Она самая. Но ты не бойсь, в снег тебя никто нырять не заставит. Да и парить до обморока тоже не будет, – пообещал дед.

– Ну, раз на вечер планы есть, предлагаю с утра сходить на зимнюю рыбалку, озеро буквально в трех шагах от забора, – Иван Владимирович тоже решил поучаствовать в разговоре. – Федерико, дам тебе свою лучшую удочку. Раньше тут отлично щуки ловились и окуни, лещи попадались. Уверен, с ней ты без улова не останешься.

За разговором дед оттаял, но ровно до того момента, пока Ника не спросила про изящную шкатулку, стоявшую за стеклом в буфете. Трогать её она не решилась, а заметила вещь, когда вместе с мамой накрывала на стол. Юрий Петрович моментально набычился, но рассказал, что шкатулка

принадлежала его жене.

– Она тоже вроде вашего графа, из дворян была. Уж не знаю, что там хранила, мне не показывала. Драгоценностей там нет, её родители от революции из Петербурга босиком бежали, с детьми подмышкой. Успели прихватить что-то вроде памятных вещиц, как эту шкатулку. Я-то из простых, родители в оружейных мастерских трудились, а Варенька голубых кровей была. Уже когда на пенсию оба вышли, стала говорить, что в шкатулке спрятано утешение, если она первой уйдёт. Только вот не могу я утешиться, – и дед зло зыркнул на Ивана Владимировича. – Нет ключика от этой шкатулки.

– Можно же в мастерскую отнести, там любой замок откроют, – Ника удивилась, что прадед не додумался до такого простого решения.

– Носил. Шкатулка с секретом. Начнешь ломать замок и все, что внутри, будет испорчено. Молодой пацан хотел её раскурочить, хорошо старый мастер остановил, – Юрий Петрович помолчал и добавил, – так и помру, без утешения.

Иван Владимирович внезапно подскочил на стуле, словно что-то вспомнил или понял.

– Так ты думаешь, что я этот ключ взял?!

– А кому ещё его бабушка давала? Только любимому внуку, в Буратину играть.

Иван Владимирович запунцовел, но не сдался.

– Но это не значит, что я его украл!

Юрий Петрович ничего не ответил. Он вытащил шкатулку из буфета и, шаркая тапочками, пошел к себе в комнату.

За два дня до Нового года

Ника проснулась в мансарде одна. Накануне ей было не уснуть, она пыталась придумать, как открыть шкатулку. И даже разбудила мужа, который, перепробовав несколько способов отвлечь любимую от провальной идеи, достал телефон и нашел статью итальянского реставратора с подробным рассказом, что бывает, когда антикварные вещи попадают в руки дилетантов. Да, неожиданным бонусом мансарды оказался хороший интернет.

– Ника, ты сумасшедшая. Чем я занимаюсь в постели с прекрасной полуголой девушкой? Я читаю научные статьи про шкатулки с секретом. В четыре часа утра. Иди сюда, я раскрою тебе одну итальянскую тайну. Не про шкатулки, а про другие древности. В Италии очень много старинных скрипучих кроватей, даже старше этой, на которой мы сейчас лежим...

После показанного на полу «секрета» Ника наконец-то уgomонилась и заснула.

Разбудил её запах кофе, просочившийся в спальню. На часах был полдень и зверски хотелось есть. Ника спустилась на первый этаж и застала всю семью на кухне. В центре стола лежал улов – два здоровенных леща и средних размеров окунь. Рядом с кислыми лицами стояли рыбаки. Ольга Викторовна, с трудом сдерживая смех, сбежала пить кофе в «за-

лу», сказав, что хочет почитать газету.

– Маааам! Жареная рыба будет на обед? – Ника высунулась за дверь, но родительница знаками показала, что сейчас она не может говорить и давясь смехом закрылась в комнате.

– Что случилось? – следующий вопрос девушка адресовала мужу, но отвечать стал отец.

– Я забыл, какой здесь любопытный народ. С нами рыбу ловило пол деревни. Сначала в кустах открыли тотализатор мальчишки лет десяти-двенадцати, но как только я вытащил первого леща, им стало неинтересно и они ушли. Потом приперся дед Саша, он полчаса морочил голову лекцией о наживке и намекал на «сугрев».

– Налили дедусе?

– Да ни за что! Он бы от нас вообще тогда не отстал. И так чуть не отнял удочку у Федерико, пытаюсь показать, как надо наживлять мотыля. Он нам и мотыля показывал. Ника, ничего смешного! Я сначала думал, что у старика спину прихватило, а у меня как раз начался клев. Потом пришла его невестка, типа стирать в полынье. Господи, кто в двадцать первом веке зимой стирает на озере? Да дураку ясно, что она примчалась следить за свекром, чтобы он не накукурузился в хлам. Намочила какие-то половики, начала лупить по ним поленом, распугала всю рыбу и заманила на бесплатный спектакль вторую половину деревни...

В этот момент на кухню вернулась Ольга Викторовна.

– Ванюш, ты бы шарабан свой разобрал. В прошлый раз

петарды забыл вытащить, они отсырели, да и если с воблеров краска опять облезет, ты себе этого не простишь. А рыбу, я так и быть, почищу.

И Иван Владимирович, продолжая бубнить, пошел разбирать свой рыболовный ящик. В результате, крючки, воблеры и петарды были любовно разложены на столе рядом с ёлкой.

Вечером, после бани, все собрались у камина и Юрий Петрович принес три толстых фотоальбома. Ника рассматривала старые снимки, на которых были ещё молодые прабабушка и прадедушка на майской демонстрации, дедушка от года и до преклонных лет, папа, в костюме Буратино с золотым ключом на шее. Про шкатулку больше никто не вспоминал.

31 декабря

Семейной традицией у Александровых было вместе готовить новогодний стол. Ранним утром мама, встававшая первой, варила овощи для салатов и делала завтрак – горячие бутерброды. После кофе начинали чистить картошку, резать морковь, свеклу, маринованные домашние огурчики. Оливье в большой кастрюле и селедку под шубой на особенном, праздничном блюде, убирали в холодильник, а на обед доставали первую тарелку холодца и открывали бутылочку полусладкого шампанского. Студень с игристым тоже были традицией. Мама рассказывала, что появилась она в их первый семейный Новый год.

Александровы поженились в 90-ом. Оба были студентами, жили в общежитии, экономили на всем и отчаянно пытались подзаработать. Мама занималась репетиторством по иностранным языкам, папа неофициально устроился грузчиком в магазин. Отмечать наступающий 1991 год планировали очень скромно. Килограмм мандаринов, отварная картошка, банка маринованных помидор, шпроты – вот и все застолье. За пару дней до праздника Ольге Викторовне, тогда ещё просто Оле, родители одного из учеников презентовали коробку дорогущих шоколадных конфет и бутылку шампанского «Moët & Chandon». Конфеты они съели в тот же вечер, а вот вино было припрятано до курантов. Тарелку наваристого холод-

да 31 декабря получил в подарок от заведующей магазином молодой муж. Она была тёткой не злой, не придирчивой и жалела молодого, вечно голодного студента. Тот Новый год запомнился везением, какой-то смешной удачей, так что на следующее 31 декабря Оля и Ваня суеверно поставили на стол такую же бутылку и сварили холодец.

Ника рассказывала эту историю мужу, раскладывая заветное блюдо по тарелкам. Предвкушающее выражение лица Федерико сменилось на растерянное, когда он понял, чем его сейчас будут кормить.

– Любовь моя, а из чего это приготовлено?

– Из мяса, – Ника вилкой, как указкой, ткнула в толстый слой говядины со свиной.

– А сверху что?

– Типа желе.

– Сладкое?!

– Нет, конечно, – синьора Коллальто воззрилась на супруга с недоумением.

– Как интересно, – Федерико сделал очень вежливое лицо. Попытки тещи уговорить зятя продегустировать холодец с настоящей горчицей привели к тому, что итальянец загадочным образом переместился вместе с табуреткой поближе к выходу из кухни. Стало понятно, что Федерико так и не познакомится с некоторыми традиционными кушаньями русской кухни.

Резать салаты решили прямо в зале, благо большой стол

позволял работать сразу нескольким поварам. Юрий Петрович пришел с банкой квашеной капусты и кастрюлей, полной отварных овощей. Неодобрительно посмотрел на невестку, взял доску, ножик и принялся за готовку.

– Решили угостить нас чем-то особенным? – Ольга Викторовна улыбнулась старику.

– Ну, судя по всему, на столе будет только всякая новомодная ерунда. А я хочу основательно подкрепиться. Винегрет – вот настоящая русская еда и кладезь витаминов. На горячее будет кролик, тушеный в сметане с белыми грибами, – и Юрий Петрович принялся чистить свёклу. Правда, получалось у него это так медленно, что Ника не выдержала и предложила свою помощь. Прадед повеселел и взял на себя руководство процессом.

– Нет-нет-нет, не надо солить! Сейчас надо заправить свеклу растительным маслом, вон тем, ароматным, чтобы пахло семечками. Теперь высыпай сверху остальные овощи и пусть винегрет немного постоит. А я выпью чаю и покурю, – он похлопал себя по карманам в поисках огонька. Коробок нашелся в брюках и дед, взяв со стола папиросу, чиркнул спичкой.

– Nonno! Uffa! Дедушка, нет! Нет! Твою же мать! – Федерико выхватил у Юрия Петровича из рук что-то похожее на сигарету и швырнул в противоположный угол комнаты. Ироничная фраза дедуси, что вред курения в его возрасте сильно преувеличен, утонула в грохоте разорвавшейся петарды.

Два килограмма отборных, мелконарезанных овощей разлетелись, равномерно усыпав всю мебель и пол в радиусе двух метров от стола.

В этот момент странный звук донесся откуда-то из-под потолка – фррррррш... Словно по верху буфета медленно покатилась каменная лавина. Фррршшррррршшрррршш... Лавина ускорилаь, и из-за резной филенки наверху буфета показалось выщербленное пушечное ядро, доехало до края и со свистом полетело вниз. «Хрусь!», – сказала доска.

В образовавшемся проломе, под ядром блестела тонкая цепочка. Ника отпихнула каменный шар, щепки и, потянув за цепочку, вытащила маленький золотой ключик.

– Вы его искали? – спросила она у Юрия Петровича

– Дай гляну. Кажется, он, – прадед подслеповато сощурился и поднес находку поближе к глазам.

– А можно мы тоже посмотрим, что в шкатулке? – робко поинтересовалась девушка.

Дед кивнул и сходил за своим сокровищем. Иван Владимирович принес из машины масленку, чтобы смазать старый замок, но она не понадобилась. Ключ повернулся легко и крышка поднялась с мелодичным звоном. Внутри лежала записная книжка с тисненными розами на темно-синей бархатной обложке и позолоченным срезом. Юрий Петрович взял блокнот, раскрыл на первой странице и стал читать вслух: «30 декабря 1948 года. Это мой первый день в новом статусе – я замужняя дама. Хотя так теперь выражаться не приня-

то, но так говорила моя дорогая бабушка Евдокия Агеевна. Уверена, её уроки пригодятся в любом случае. Буду честна, работы мне предстоит много. Я выходила замуж, выбирая не сердцем, но умом. Смотрела, чтобы будущий муж стремился к знаниям и развитию, был трудолюбив и честен. Юра обладает всеми перечисленными качествами, но я не догадывалась о чудовищных пробелах в его воспитании. Он не может руки, ложится спать с грязными ногами и грызет ногти. Уточню, грызет ногти на руках, хотя мне кажется, что я бы уже не удивилась и тому, что...». Дочитать увлекательный отрывок не получилось, Юрий Петрович захлопнул блокнот.

– Вот же вредная баба! Воспитательница нашлась! Шла бы в детсад работать, а не взрослым мужиком командовать! – он с неожиданной прытью скрылся в своей комнате. Через полчаса оттуда стали доноситься довольно заковыристые словечки, и было слышно, как дед стучит по столу ладонью.

– А может, все-таки уберем винегрет? – поинтересовался страшно довольный и повеселевший Иван Владимирович.

– Да уж конечно уберем. Сейчас я позвоню Ираидочке, она помогает мне по хозяйству, – красный и всклокоченный дед высунулся из-за двери, но присоединяться к родне не стал.

Ираида оказалась бодрой шестидесятилетней пенсионеркой. Она молниеносно отмыла пол, стены и буфет, нашла чистую скатерть и достала праздничный сервиз. От приглашения встретить Новый год вместе отказалась, сказав, что встречает праздник с тремя внуками.

За стол уселись в десять. Юрий Петрович перестал злиться, попросил прощения у «Ванюши» и компания стала активно обсуждать происшествие.

–А что делало ядро на буфете?

–Это не ядро, а гнет для капусты. Очень удобно, капуста с ним получается наивкуснейшая! Хрустящая, нежная, в меру кислая. Идеальная для винегрета. Вот, так и не угощу нашего макаронника настоящим русским салатом! – расстроился дед.

Федерико, которому с трудом удалось отвертеться от холодца, счастливо улыбнулся:

– Ничего страшного, Ника запишет рецепт, а ядро мы купим в Италии своё собственное. И я обязательно напишу вам о впечатлении, как только попробую этот винегрет.

После обеда и холодца Федерико сделал правильные выводы, и как только все уселись за праздничный стол, положил на свою тарелку большую гроздь винограда, пять ломтиков пармезана и столько же сырокопченой колбасы. Завершили натюрморт маслины. Убедившись, что на тарелке не осталось свободного места, граф облегченно выдохнул. И принялся задавать вопросы:

– Вот это оливье? – Федерико, по примеру жены использовал вилку, как указку.

– Да, во всем мире не винегрет, а именно оливье известен как русский салат, – теща всё ещё надеялась, что традиционный русский новогодний стол завоюет итальянский

желудок. Граф посмотрел на жену. Ника, которую гастрономический шок мужа скорее развлекал, чем огорчал, подвинула свою тарелку. Федерико деликатно подцепил вилкой несколько грамм, осторожно прожевал и уточнил:

– Как картофельный салат, только без сельдерея, но с мясом. Свинина?

– Говядина, – Ольга Викторовна почти обиделась

– А вот это тоже салат? – Федерико показал вилкой на следующее блюдо с розовым майонезом.

– Конечно. Это селедка под шубой. Давай я положу тебе немножко на другую тарелку.

Но Федерико моментально понял, что на новой тарелке окажется не только рыба в манто и пообещал, что обязательно попробует необычную закуску чуть позже. Чуть позже Нике пришлось накладывать себе «шубу» три раза, потому что супруг никак не мог раскушать необычное русское блюдо.

Телевизора у Юрия Петровича не было, скорость интернета на первом этаж едва дотягивала до значка «Н» и чтобы не пропустить полночь, включили радио на телефоне Ивана Владимировича. Чокнувшись бокалами и трижды прокричав «Ура!», все пошли в огород запускать салюты. Свежий воздух, разгаданная тайна и изрядная порция шампанского оказались отличным снотворным и к двум часам родственники разбрелись по спальням.

Нике снились золотой, словно начищенный полумесяц на

тёмном бархате неба, россыпь бриллиантовых звёзд и маленькая белая тучка, похожая на медвежонка. Она попыталась её погладить и проснулась. Под рукой была холодная подушка. Через пять минут Ника забеспокоилась, куда исчез муж. Нашарив тапочки и завернувшись в колючий шерстяной плед, она спустилась вниз: «Только свечки не хватает, буду как барышня из русского поместья». Хихикнув, она решила заглянуть на кухню, но наткнулась на маму.

– Тсссс! – прошипела подглядывающая в узкую щелочку приоткрытой двери Ольга Викторовна. Ника пристроилась рядом. Всё тонуло во тьме и лишь лампочка холодильника освещала кудрявую голову Федерико, склоненную над кастрюлей.

– *Divinamente!* – сказал граф и отправил в рот очередную ложку оливье.

– Что он говорит?

– Божественно, – перевела Ника и мама прослезилась от умиления.

Эпилог

Самолет оторвался от взлетной полосы, а Ника не находила себе места. В ручном багаже, замотанный в тридцать три слоя пищевой пленки, летел трофейный окунь, которого Федерико решил довялить дома.

– Ника, – муж соорудил умиленное лицо. – А давай на обед по воскресеньям готовить по очереди селедку под шубой и оливье?

– Запросто, – мрачным голосом ответила графиня. – Если таможня не найдет твою рыбину.

– А если найдет?

– Буду готовить одну порцию и есть у тебя на глазах!

– Я согласен. Тебя хватит максимум на месяц, а потом ты все равно будешь делиться, – и довольный Федерико чмокнул жену в нос.